

Л.И. БЕЛОВА, И.В. ЧЕРНЫШЕВА,
Е.Ш. ГУЛЯЕВА
(Волгоград)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
О МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
С РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ДО РАСПАДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

Представлена широкая панорама свидетельств современников – античных, средневековых западноевропейских и восточных авторов о различных сторонах повседневной жизни и быта народов Нижнего Поволжья, имеющих отношение к медицинской культуре. Прослежено влияние кочевого образа жизни на медицинскую культуру, выявлены отдельные традиции медицинской культуры в регионе, имеющие межкультурный характер.

Ключевые слова: медицинская культура, врачевание, кочевые племена раннего железного века и средневековья, Нижнее Поволжье.

Формирование медицинской культуры народов является частью общего процесса культурогенеза и одним из социокультурных механизмов адаптации человека. Изучение медико-ориентированной культуры средневековых и древних народов продвигается значительно медленнее по сравнению с другими периодами. Это объясняется ограниченностью источников по истории медицины и сложностью работы с ними. При работе с источниками внимание должно уделяться социальным, культурным последствиям развития медицины. Такой подход к медицинской культуре может способствовать формированию концепции «целостного человека» как фактора исторического процесса. Определенный научный интерес представляют особенности врачевания и медико-ориентированной культуры в таком регионе этнокультурного взаимовлияния, как Нижнее Поволжье.

Степной пояс Евразии, включающий и Нижнее Поволжье, представлял собой своеобразный коридор, по которому на протяжении многих веков продвигались многочис-

ленные племена, имевшие свою медицинскую культуру и традиции врачевания. Медицинская культура народов Нижнего Поволжья представляет собой существенный компонент человеческой культуры периода античности и средних веков. Составной ее частью являются лечебные, профилактические, гигиенические обычаи народов Нижнего Поволжья. В них выражаются религиозные и ментальные представления, их картина мира, образцы поведения, направленные на сохранение, поддержание и укрепление здоровья, доступные медицине того времени методы профилактики заболеваний, а также преемственность медицинских и научных знаний, культурные связи и взаимовлияние народов [2, с. 54]. В связи с этим значительный научный интерес представляют источники, отражающие различные аспекты медицинской культуры.

Заселение Нижнего Поволжья началось еще в эпоху среднего палеолита. Однако одними из первых среди нижеволжских племен упоминаются в истории киммерийцы, которых Геродот называл «доителями кобылиц». Навыки врачевания у киммерийцев были связаны с лечением различного рода травм с использованием лекарственных трав и продуктов кочевого скотоводства.

На рубеже VII–VI вв. до н.э. киммерийцы были вытеснены скифскими племенами. И хотя скифы не жили на территории Нижнего Поволжья, их культура имела более широкое распространение, чем ареал их обитания, и была родственна сарматской. О ней сохранилось больше свидетельств, т. к. скифы чаще, чем сарматы и савроматы, контактировали с греками – их непосредственными соседями, оставившими о них свои описания.

О медицинской культуре и практике скифов упоминают в своих трудах Геродот, Гиппократ, Плиний Старший и др. Так, Геродот писал об энареях – женоподобных мужчинах, которые занимались врачеванием у скифов. Подробно «отец истории» рассказывает о парных банях как одном из самых выразительных гигиенических обычаев скифов. Баня представляла собой отдельную «хижину», внутри которой был чан и раскаленные докрасна камни, отчего поднимался сильный

пар. Скифы очищали себя парной баней после погребения покойника. Скифские женщины изготавливали и использовали первое подобие мыла: растирали на камне куски кипариса, кедра, ладана, добавляли воду и этим жидким тестом с приятным запахом обмазывали все тело [5]. Кроме того, Геродот сообщал, что излюбленным напитком скифов-кочевников был кумыс – кобылье молоко. Это дает основания предположить, что применение продуктов из кобыльего молока (кумыса) в лечебных целях пошло от скифов.

Греческие и римские источники содержат сведения об использовании скифами различных лекарственных растений. Плиний Старший и Теофраст упоминали о «скифских травах» и «скифском корне» от болот Меотийских, которые перевозятся туда и сюда по всему миру для блага человечества» [7, с. 12]. Это подтверждается и более ранними данными. Так, Пелагоний писал, что греческие и римские врачи широко пользовались для изготовления лекарств скифскими травами, среди которых упоминаются ирный корень, заячий корень и понтийская шандра.

Гиппократ в своем труде «О воздухе, водах и местностях» в числе болезней, встречающихся у скифов, отмечает сильные боли в суставах, язвы на бедрах и хромоту (евнухидизм), которые были следствием верховой езды, причем подвержены этой болезни мужчины «благороднейшие», «бедные же страдают меньше, ибо не ездят верхом». Свидетельства Гиппократа не оставляют сомнения, что скифы применяли кровопускание: «...открывают обе вены позади ушей, и когда кровь истечет, то вследствие слабости охватываются сном и засыпают» [4, с. 13]. Он приводил факты, что у кочевых скифов имелись зачатки хирургической практики. Об этом также свидетельствуют и археологические находки. Например, на хранящейся в Эрмитаже знаменитой Куль-Обской вазе, относящейся к V–IV вв. до н.э., изображена хирургическая операция – скиф вправляет челюсть травмированному воину, удаляет зуб, перевязывает голень раненому [Там же, с. 14–15]. Некоторые хирургические инструменты и их изображения удалось обнаружить археологам в Чертомлыцком кургане (в среднем течении Днепра).

К востоку от скифов за Доном жили савроматские племена. В V–VI вв. до н. э. они образовали крупный союз племен, захвативший степные территории Урала и Поволжья. У античных авторов можно найти отрывочные сведения о врачевании у сарматских и савромат-

ских племен. Они свидетельствуют об обычае «выжигания правой груди» у женщин, для того чтобы «вся сила и богатство соков перешло в правое плечо и руку».

Интереснейший материал о болезнях сарматов представляют данные антропологии и палеопатологии. Так, Д.Г. Рохлин, рассмотрев костные останки из сарматских захоронений Поволжья, дал описание следов флюса, атрофии челюстей, деформирующих артрозов суставов, болезни позвоночника, сифилитических изменений на костях, трепанации и целого ряда ранений [10, с. 193–205]. Представляют значительный научный интерес выводы М.А. Финкельштейна, который провел рентгенологическое исследование палеопатологии 18 сарматских скелетов различных периодов и на 5 скелетах обнаружил следы рахита, на черепе мужчины примерно 45 лет зафиксировал сифилитические изменения в виде гуммозных бляшек [12, с. 205–207]. М.А. Соколова, обследовав 125 черепов (III в. до н. э. – VI в. н. э.) из могильников Нижнего Поволжья, обнаружила шесть случаев внутреннего лобного гиперостоза. Появление у сарматов данного патологического отклонения исследователь связала с комплексным воздействием ряда неблагоприятных факторов, таких как несбалансированное питание, постоянное времяпрепровождение в седле [3]. Антропологи под руководством А.П. Бужиловой исследовали 541 череп сарматов и в 23 случаях обнаружили признаки внутреннего лобного гиперостоза. В 16 случаях следы этого заболевания выявлялись у мужчин. Исследователи предположили, что причинами столь широкого распространения синдрома Морганьи у кочевого населения могли являться последствия адаптации к походному образу жизни наряду со многими системными нарушениями в организме [3, с. 212]. Исследуя демографические и антропологические особенности сарматов, М.А. Балабанова впервые указала, что на костях посткраниального скелета кочевников II–IV вв. н. э. встречаются старческие изменения в виде костных разрастаний на суставах и позвоночнике, описала случаи прижизненной потери зубов и атрофии зубной системы, а на костях молодых мужчин обнаружила следы насильственной смерти – обширные рубленые раны на черепках [1, с. 268]. С помощью методики палеопатологического анализа Е.В. Перерва провел анализ состояния зубной системы у поздних сарматов, степени распространения аномалий на костях скелета, признаков воспалительных процессов, дегенеративно-дистрофических изме-

нений и характера травматизма у населения II–IV вв. на материалах могильников Аксага [9].

В середине III в. н. э. новые кочевники – готы занимают территории от Тиссы до Дона и от Балтийского моря до Дуная. Однако господство готов было недолгим. Их во второй половине IV в. вытеснили тюркские племена – хунну, получившие в Европе имя гуннов. Многолетние хунно-китайские и междоусобные войны привели к тому, что ко II в. народ хунну разделился. Одна часть – северные хунны – в 155 г. ушла на Нижнюю Волгу и Урал, где, видимо, ассимилировалась с племенами угров и сарматов, слившись в новый народ – гуннов. В IV в. отмечается движение гуннов через низовья Волги в Европу. С этого факта начинается эпоха Великого переселения народов. После этих событий сарматы практически покинули Нижнюю Волгу, уступив место новым тюркоязычным племенам. В первой половине VI в. среди этих кочующих группировок выделилась орда авар, объединив многие кочевые народы, ранее подвластные гуннам. Объединение стало именоваться каганатом.

Во второй половине VI в. на Нижнее Поволжье распространилась власть первого Тюркского каганата. Именно в рамках Тюркского каганата начинают усиливаться хазары и волжские булгары. Известный арабский путешественник Ибн-Фадлан, описывая свое путешествие в Поволжье, дает и важные сведения о медицинской культуре проживающих здесь народов, упоминает о проблемах здоровья булгар: «...я не видел среди них ни одного человека, который румян лицом. В этой стране они в основном умирают от колики в животе, колики бывают у них даже у грудных детей» [10, с. 39].

О гигиенических привычках некоторых племен путешественник сообщает следующее: «...прибыли к тюркскому племени гуззов. Они кочевники, живут в войлочных юртах и переходят с места на место... Они не очищаются ни от кала, ни от урины и не омываются от половой нечистоты. И вообще они не моются водой, особенно в зимнее время» [Там же, с. 22]; «...мы попали в страну башкир, которые относятся к тюркскому племени... Они бреют свои бороды и едят вшей. Я наблюдал, как один из них тщательно исследовал швы своей куртки и разгрызал вшей зубами. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде, раздавил ее своими ногтями и слизнул языком. Видя, что я это наблюдаю, сказал: “Прекрасно!”» [Там же, с. 28].

В медицинской культуре тюркских племен, судя по данным Ибн Фадлана, уже суще-

ствовало представление о контагиозности некоторых заболеваний. «Мы узнали у них еще о следующих порядках: если вдруг заболит из тюрков человек, имеющий рабынь и рабов, то они служат ему, и никто из его близких не приближается к нему. Для него ставят отдельную палатку в стороне от других юрт, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет. Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой степи и отъезжают подальше...» [Там же, с. 25].

К началу VIII в. в могущественное государство превращается Хазария. После распространения в Каганате иудаизма встречаются сведения, что врачеванием занимались иудеи. Знания по анатомии и химии помогали им излечивать одних и приводить к смерти других, что позволяло врачевателям влиять на политическую ситуацию.

Со второй половины XI в. степи Нижнего Поволжья стали заселять пришедшие с востока кочевые племена, которых русские источники называли половцами. Они, как и славяне, были язычниками и поклонялись силам природы. Однако, в отличие от них, имели странный обычай: из-за боязни быть наказанными богом Тенгри-ханом люди не осмеливались стирать свою одежду, поэтому богачи выбрасывали грязную и пропахшую одежду, бедняки же ходили в засаленных опорках, и от них всегда жутко пахло. На особом счету у половцев были шаманы. Они считались проводниками в загробный мир, посредниками между миром людей и миром мертвых.

В эпоху монгольского завоевания Нижнее Поволжье становится центром сильного государственного образования – Золотой Орды. Важными источниками о состоянии медицинской культуры монголов стали труды францисканцев Плано Карпини и Гильома де Рубрука, совершивших два больших путешествия в Золотую Орду в 40–50-х гг. XIII в. Плано Карпини издал «Историю монголов», которую иногда называют «Описание монголов или татар», – нечто вроде доклада, предназначенного папе Иннокентию IV. Гильом де Рубрук послал королю по возвращении во Францию свой «Itinerarium», написанный в форме письма.

На основании источников, описывающих культуру повседневности татар, можем отметить, что важным ее элементом являлась гигиена. Отмечается, что «по обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и [они] хватают рыбу или мясо [грязными руками]. Когда на руках появляется жир, [они] вытирают

[их] об одежде. Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока [она] не износится» [8, с. 76]. Эти сведения отражены и в законе Чингисхана – Джасаке (Ясе). Дошедшие до нас фрагменты гласят следующее:

«4. Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти...

14. Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды.

15. Он запретил им мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится» [13, с. 213–214].

Гигиенические нормы татар не привели в восторг и П. Карпини: «Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок... Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время» [6, с. 35–36].

Кочевой образ жизни, частые военные походы повлияли на культуру питания, определив довольно скудный рацион. Для утоления голода и жажды монголо-татары пили кобылье молоко. Обычно молока от одной кобылы было достаточно для насыщения трех человек. Как правило, основу для приготовления блюд составляло мясо овец или кобыл, поэтому у кого была одна лошадь, непременно должно было быть шесть-семь овец. В военных походах в качестве пропитания использовали зайцев, оленей и диких кабанов. Безусловно, захватывая земледельческие регионы, монголо-татары все активнее потребляли рис и пшеницу, и в редких случаях проращивали «клейкое черное просо», из которого «варили кашицу» [8, с. 76].

П. Карпини также отмечает: «Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Когда они воевали против одного китайского города и осаждали его так долго, что у самих Татар вышли все съестные припасы, то они брали тогда для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Они ели вшей и говорили: “Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?” Мы видели также, как они ели мышей. Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что дру-

гие народы с трудом могут жить на это. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меда у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы...» [6, с. 36–37].

Г. Рубрук также отмечал, что монголы «едят без разбора всякую свою падаль, т. к. среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных... Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды» [Там же, с. 97–98].

Не были эти народы безразличны и к своему внешнему виду. Женщины часто мазали лоб желтыми белилами, что являлось замесом старой китайской косметики. Мужчины, как правило, брили голову, оставляя три чуба, как у китайских мальчиков. Когда передний немного отрастал, его подстригали, а два боковых связывали в маленькие пучки и спускали на плечи [8]. Г. Рубрук также отмечал: «Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритве макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей... Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо. Для родов они никогда не ложатся в постель...» [6, с. 99–101].

Важные сведения оставил Рубрук об изоляции больных, причинах болезней и врачах: «Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил. Отсюда никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему. Когда также занедужит кто-нибудь принадлежащий к великим дворам, то далеко вокруг двора ставят сторожей, которые не позволяют никому переступить за эти пределы. Именно они опасаются, чтобы со входящими не явился злой дух или ветер. Самых гадателей они называют как бы своими жрецами» [Там же, с. 102–103].

В трудах путешественников отмечается значительная роль жрецов (шаманов) в процессе исцеления: «Точно так же все жрецы их бреют целиком голову и бороду; одеяние их желтого цвета; с тех пор как они обрели голову, они хранят целомудрие...» [Там же, с. 128–129]. Прорицателей зовут также, когда родится

какой-нибудь мальчик, чтобы они предсказали судьбу его; зовут их и когда кто-нибудь захворает, и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь или она произошла от колдовства. «Прорицатели также возмущают воздух своими заклинаниями, и, когда от естественных причин наступает столь сильный холод, что они не могут применить никакого средства, они выискивают тогда каких-нибудь лиц в становище, обвиняя их, что через них наступает холод, и тех убивают без всякого замедления. Незадолго пред моим удалением оттуда, одна из наложниц хана занемогла и долго хворала. Прорицатели произнесли заклинания над одной рабыней ее, немкой, и та заснула на три дня. Когда она пришла в себя, то у нее спросили, что она видела; и она видела многих лиц; про них всех прорицатели объявили, что те скоро должны умереть, а так как девушка не видела там своей госпожи, то прорицатели признали, что та не умрет от этой немощи. Я видел эту девушку, у ней еще сильно болела голова после этого усыпления...» [6, с. 178–179].

Подробно описал Г. Рубрук исцеление госпожи Кота православным монахом Сергием: «Затем мы пошли ко двору второй госпожи, по имени Кота, которая поклонялась идолам; ее мы застали лежащей в постели и больной. Тогда монах приказал ей встать с постели и поклониться кресту с коленопреклонением и ударяясь о землю лбом, причем он стоял с крестом у западной стороны дома, а она у восточной... После этого они переменились местами, и монах пошел с крестом к востоку, а она к западу, и хотя она была так слаба, что едва могла стоять на ногах, он смело приказал ей, чтобы она распростерлась вторично, трижды поклоняясь на восток, по обычаю христиан. Она это и сделала... У него был некий корень, по названию ремень; монах размельчал его, так сказать, в порошок и полагал в воду с бывшим у него маленьким крестиком с выпуклым изображением Спасителя. Монах говорил про это распятие, что при помощи его он узнавал, когда хворый должен был выздороветь или умереть» [Там же, с. 150–153]. Эти и другие сведения о привлечении к исцелению христианских священнослужителей отражают особенности медицинской культуры монголов. Практика врачевания, в которой применялись травы, огонь, вода, кумыс, заговоры, позволяет говорить о том, что объединились два совершенно разных мира: степной кочевой и оседлый земледельческий мир городов [2, с. 55].

Таким образом, исторические источники позволяют нам изучать медицинскую культуру

народов Нижнего Поволжья – уникального места многовекового активного взаимодействия этносов и культур. В них отражены конкретно-исторические способы, приёмы врачевания, формы и содержание медицинских знаний, гигиенические и профилактические навыки индивидов. На основе анализа источников можно сказать, что медицинская культура представляет собой совокупность медицинских норм, ценностей, идей, навыков, традиций, обычаев, связанных с сохранением здоровья, отражает процесс исторической смены народов и взаимопроникновения культур, что зачастую являлось одним из способов выживания этносов.

Список литературы

1. Балабанова М.А. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: ВолГУ, 1997. Вып. 2. С. 267–286.
2. Белова Л.И., Чернышева И.В., Черёмушников И.К. Медицинская культура кочевых народов Нижнего Поволжья // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10-4 (41). С. 54–55.
3. Бужилова А.П., Соколова М.А., Перерва Е.В. Об эндокринных нарушениях у кочевых народов (на примере отдельных представителей сарматской культуры) // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. Вып. 4. С. 203–216.
4. Хирургия в изобразительном искусстве / А.А. Воробьев, И.А. Петрова. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2005.
5. Галицкий А.В. Щедрый жар. Очерки о русской бане и ее близких и дальних родичах. М.: Физкультура и спорт, 1980.
6. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст., примеч. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957.
7. Мирский М.Б. Медицина России X–XX вв.: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005.
8. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М.: Наука, 1975.
9. Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Акся // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*. М.: Изд-во ИА РАН, 2002. Вып. 1–2. С. 141–152.
10. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана, посла халифа Аль-Муктадира к царю Сакалиба // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М.: Инсан, 1996. С. 12–47.
11. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (Кости людей различных эпох: нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1960.

12. Финкельштейн М.А. Рентгенологические исследования палеопатологических материалов из могильников у сел Новоникольского и Верхнее Погромное // Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 205–207.

13. Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Приложение к гл. VI. Великий Джасак // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М.: Инсан, 1996.

* * *

1. Balabanova M.A. Kraniologija sarmatsko-go naselenija, ostavivshogo kurgannye gruppy Abganerovskogo mogil'nika // Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Nizhnem Povolzh'e. Volgograd: VolGU, 1997. Vyp. 2. S. 267–286.

2. Belova L.I., Chernysheva I.V., Cherjomushnikova I.K. Medicinskaja kul'tura kochevyh narodov Nizhnego Povolzh'ja // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2015. № 10-4 (41). S. 54–55.

3. Buzhilova A.P., Sokolova M.A., Pererva E.V. Ob jendokrinnyh narushenijah u kochevyh narodov (na primere otdel'nyh predstavitelej sarmatskoj kul'tury) // Opus: Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii. M.: Izd-vo IARAN, 2005. Vyp. 4. S. 203–216.

4. Hirurgija v izobrazitel'nom iskusstve / A.A. Vo-rob'ev, I.A. Petrova. Volgograd: Izd-vo VolGMU, 2005.

5. Galickij A.V. Shhedryj zhar. Oчерки о русской бани и ее близких и дальних родичах. М.: Физкультура и спорт, 1980.

6. Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka / red., vstup. st., primech. N.P. Shastinoy. M.: Geografiz, 1957.

7. Mirskij M.B. Medicina Rossii X–XX vekov: oчерки istorii. M.: ROSSPJeN, 2005.

8. Mjen-da bjei-lu («Polnoe opisanie mongolotatar»). M.: Nauka, 1975.

9. Pererva E.V. Paleopatologija pozdних sarmatov iz mogil'nikov Esaulovskogo Aksaja // Opus: Mezhdisciplinarnye issledovanija v arheologii. M.: Izd-vo IA RAN, 2002. Vyp. 1–2. S. 141–152.

10. Puteshestvie Ahmeda Ibn-Fadlana, posla halifa Al'-Muktadira k carju Sakaliba // Na styke kontinentov i civilizacij... (iz opyta obrazovanija i raspada imperij X–XVI vv.). M.: Insan, 1996. S. 12–47.

11. Rohlin D.G. Bolezni drevnih ljudej (Kosti ljudej razlichnyh jepoh: normal'nye i patologicheskie izmenenija). M.; L.: Nauka, 1960.

12. Finkel'shtejn M.A. Rentgenologicheskie issledovanija paleopatologicheskih materialov iz mogil'nikov u sel Novonikol'skogo i Verhnee Pogromnoe // Oчерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 205–207.

13. Hara-Davan Je. Chingis-han kak polkovodec i ego nasledie. Prilozhenie k gl. VI. Velikij Dzhasak // Na styke kontinentov i civilizacij... (iz opyta obrazovanija i raspada imperij X–XVI vv.). M.: Insan, 1996.

Historic evidence of the medical culture of the Lower Volga Region nations from the early Iron Age till the end of the Golden Horde

The article represents the evidence of contemporaries – ancient, medieval west European and eastern authors concerning various aspects of everyday life of the Lower Volga Region nations regarding the medical culture. The authors trace the influence of the nomadic lifestyle on the medical culture, find out the traditions of the regional medical culture with the intercultural nature.

Key words: medical culture, healing art, nomadic tribes of the early Iron Age and the Medieval Age, the Lower Volga region.

(Статья поступила в редакцию 23.03.2016)

Н.Б. СКВОРЦОВ
(Волгоград)

МОНЕТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С МЕСТА РАСКОПОК КАЗАЧЬЕГО (СТАРОГРИГОРЬЕВСКОГО?) ГОРОДКА

Представлены материалы исследования монетной коллекции, полученной при раскопках казачьего городка, интерпретируемого автором как Старогригорьевский казачий городок. Нумизматический материал рассмотрен как датированный материал, соотношенный с письменной историей городка.

Ключевые слова: казачий городок, монета, полушка, чешуйка-копейка, денга, полужемлянка, погречение.

Согласно плану работы научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ФГБОУ ВПО «ВГСПУ», в 2015 г. были начаты археологические раскопки на месте поселения, которое интерпретируется автором статьи как Старогригорьевский казачий городок.